

поступилъ слѣдующій кандидатъ священникъ Г. Юдинъ, тотъ самый, который состоялъ членомъ правленія въ предыдущемъ трехлѣтнѣ, два года тому назадъ.

(Продолженіе будетъ)

ВЫДЕРЖКА ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

П. О. КАЛМЫЦКИМЪ СТЕПЯМЪ

Астраханской губерніи.

(Продолженіе). (*)

Какъ лѣтнія, такъ и зимнія кочевья въ калмыцкихъ степяхъ Астраханской губерніи всегда раскинуты на сто и болѣе верстъ, въ каждомъ углу. Значитъ, для полныя службы, дѣло совершенно безразлично: живешь ли ълусное начальство въ зимнихъ ставкахъ, или кочуетъ въ срединахъ степей, вмѣстѣ съ калмыками. — Въ случаѣ явнѣющаго какомъ-либо происшествія, какъ въ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ ставкахъ, попочетелю или его помощнику приходится ѣздить въ степи на сто и болѣе верстъ для производства развѣдыванія, или формальнаго свидѣтельства дивану о случившемся событіи. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что калмыки всегда стараются кочевать какъ можно, подальше отъ ставокъ, и въ противномъ случаѣ, казаки, командированные начальствомъ въ степи, у нихъ будутъ брать лошадей и верблюдовъ. А эта *повинность самаго тяжелаго для служебниковъ!* Базаль, отправляясь въ степи, представляетъ много командированное начальство; вмѣсто двухъ подводъ для себя и разсыльных по четыре, шесть или восемь, говоритъ онъ, нужно ѣхать далеко, потому что нужно взять запасныхъ верблюдовъ. Между тѣмъ такое требованіе основывается на томъ, чтобы хозяинъ заплатилъ ему, сошнику, за отпущенныхъ ишакомъ лишнихъ верблюдовъ. Плата производится по рублю, а иногда и болѣе сошнику, за зимнее окискожденіе ищака; командированнаго поощряютъ службой. Давши шовводу, кочевнику, долженъ еще послать двухъ кадымъновъ и въ свѣдо: хотона *улачелмика* (шовводчиками), которые бываю въ новоязри надобности въ его верблюдахъ, и могутъ пригнать взятыя шовводы обратно. Если калмыкъ, у котораго захвачено много лишнихъ подводъ, не имѣеть денегъ, то выкупа кандидата производится мерлушками, овчинами, и ремнями или

(*) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. № 38, 40, 41, 42, 44, 45 и 50, 51 и 52 1868 г. и № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100 1868 г.

сѣдель, *чумбурами*—это веревка изъ шерсти перемѣшанной съ конскими волосами—длиною сажени въ три; на нее обыкновенно привязывают лошадей во время остановокъ; а иногда концомъ ея путаютъ переднія ноги животныхъ, а другой всегда прикрѣпляется къ уздѣ и т. п. Такъ что казакъ, возвращаясь изъ командировки, ведетъ за собою лошадь, навьюченную овчинами, мерлушками и т. п., причемъ зашибаетъ и порядочную копѣйку.— Вотъ это-то обстоятельство и служитъ причиною того, что ловкіе ребята, а особенно умѣющіе говорить по калмыцки, платятъ деньги уряднику за то, чтобы онъ назначалъ ихъ въ командировку и не въ очередь! Другіе же—даютъ деньги своимъ товарищамъ, менѣ проворнымъ, только бы они уступили имъ очередь своей командировки!

И этотъ способъ наживы дорого обходится тѣмъ калмыкамъ, у которыхъ взяли лошадей или верблюдовъ. Преслѣдуя свои цѣли, казаки безпощадно гоняютъ лошадей, или верблюдовъ изъ одного *хотона* въ другой, чтобы чѣмъ нибудь поживиться,—будто бы за то, что они въ этомъ хотонѣ не возьмутъ подводъ. Дли этой цѣли, дѣлая огромнѣйшіе разлѣзды, рыщутъ даже по кочевьямъ другихъ улусовъ, отыскивая добычу. Если-бы улусное начальство разсчитывало послать казака на три, или четыре дня, то онъ къ сроку въ ставку никогда не явится.—Недѣли черезъ двѣ, обремененный добычею возвращается въ ставку; а иные, болѣе сообразительные, провозятъ что имъ Богъ послалъ прямо въ станицу, отдаютъ женамъ или роднымъ, не смотря на то, что станица стоитъ на берегу Волги; а ихъ ставка на берегу моря!—На вопросъ понечителя, почему вы такъ долго ѣздили?—у всѣхъ казаковъ одинъ общій отвѣтъ: „подводъ не было, ваше высокоблагородіе, по два и по три дня лежали въ хотонахъ!“ Между тѣмъ, гонясь за добычей, они загнали не одну лошадь, или испортили не одного верблюда!... Если-бы хозяева загнанныхъ животныхъ явились въ ставку съ жалобою на своеволие казаковъ, имъ никогда не удалось-бы доказать виновность лицъ, бывшихъ въ командировкѣ, потому что калмыки неумѣютъ говорить по русски; а изворотливый казакъ всегда переговоритъ калмыка, ссылаясь на свидѣтельство разсмыльнаго (изъ калмыковъ), который принимаетъ дѣятельное участіе въ поборахъ!.. Вотъ что заставляетъ калмыковъ всегда кочевать какъ можно дальше отъ ставки и всегда прятать подводы, т. е. угонять верблюдовъ или лошадей подальше, чтобы казаки не могли отыскать ихъ!—Тотчасъ по прибытіи казаковъ въ какой-либо *хотонъ*, калмыки примутъ ихъ радушно,

напоятъ чаемъ, свирятъ баранины—и узнаютъ далеко ли они ѣдутъ. За тѣмъ немедленно посылаютъ въ сосѣдній хотонъ, лежащій на пути, чтобы спрятали подводы. А чтобы выиграть время—кочевники чай и баранину приготавлиютъ всегда долѣе обыкновеннаго.

Чтобы избавиться отъ поборовъ и своеволій казаковъ, взимающихъ подводы, годовъ десять назадъ тому, общества калмыковъ начали составлять приговоры, по которымъ вмѣсто отбыванія подводной повинности натурою въ каждомъ улусѣ, съ калмыковъ собираютъ деньги, на наемъ особаго подводчика, который бы для развѣзда чиновниковъ или казаковъ по своему улусу всегда имѣлъ въ готовности какъ верблюдовъ и лошадей, такъ и телъги. Калмыки нашли болѣе выгоднымъ для себя однажды въ годъ заплатить опредѣленную сумму, нежели, расходуя гораздо болѣе и денегъ и вещей, часто получать загнанныхъ животныхъ, изъ которыхъ одни выгуливаются, а другіе дохнутъ!—Но и это разумное дѣло не достигаетъ своей цѣли. Оно парализуется распоряженіями улуснаго начальства, которое *исправно собирая* деньги на подводную повинность, (по сбору же *албана* „подати“ 8 р. 50 к. въ годъ съ кибитки всегда бываетъ недоимка), въ контракты включаетъ условія, не всегда избавляющія кочевниковъ отъ отбыванія подводъ натурою. Этотъ случай можетъ быть тотъ—если подводные верблюды или лошади встанутъ!?.—Возьмемъ для примѣра улусъ Эркетевевскій, гдѣ мы жили лѣтъ около пяти.—Въ немъ съ общества калмыковъ ежегодно собиралось 5.000 р. на подводную повинность. Казалось бы такая почтенная цифра достаточна для найма особаго подводчика, который никогда не обременялъ бы кочевниковъ поставкою подводъ натурою, но выходитъ иначе! Дѣло это устроилось такъ: по контракту подводчикъ обязанъ былъ имѣть въ готовности 40 штукъ лошадей, 60 штукъ верблюдовъ, но на дѣлѣ при ставкѣ было 8 верблюдовъ и 6 лошадей, которые, отъ частыхъ развѣздовъ и дотога нехудали, что едва таскали ноги—ходили какъ тѣни!—Если-бы случилось проѣзжать черезъ ставку постороннему лицу, по дѣламъ службы, то для него всегда валивались вольныя подводы—въ счетъ контрактовъ. Но такъ какъ этотъ улусъ расположенъ въ юго-восточномъ углу степей—но на проѣзжей дорогѣ, то и наймы происходили не часто.—Въ обыкновенное же время казаки и чиновники, въ случай командировокъ, довольствовались тѣми нехудальными животными, которыя находились при ставкѣ.—Вслѣдствіе чего, улусное начальство, отправляя казаковъ съ разсылными въ степи, всегда давало

имъ приказъ хотоннымъ старшинамъ— давать проѣзжающимъ вольныя подводы, если данныя имъ въ ставку верблюды или лошади отъ усталости остаются и не пойдутъ дальше!.. Посланные нарочито ѣдутъ въ тѣ хотоны гдѣ живутъ *тамэте-куюны* т. е. калмыки, имѣющіе верблюдовъ, хотя-бы хотонъ и находился далеко въ сторонѣ отъ дороги, по которой имъ ѣхать надлежало. Животныхъ, взятыхъ изъ ставки, оставляютъ, а начинается взиманіе вольныхъ подводъ— со всеми вышеизложенными вариантами!.. Иногда приказываютъ казаку записывать имена тѣхъ калмыковъ, у которыхъ были взяты вольныя подводы, съ означеніемъ когда, сколько ихъ до какого урочища прошли верблюды, будто-бы для того, что хозяевамъ животныхъ, которые должны явиться въ ставку, выданы будутъ деньги, въ размѣръ почтовыхъ прогоновъ, смотря по разстоянію; но надеждъ этого никогда не исполнилось. Бывало, добрячивые калмыки явятся въ ставку, значутъ просить улусное начальство объ удовлетвореніи ихъ деньгами за подводы, взятыхъ у нихъ казакими, имъ сначала обѣщаютъ, но удовлетвореніе деньгами со дня на день откладываютъ подъ разными предлогами: что скажутъ, что подводчика дома нѣтъ, то, если онъ явится, денегъ въ сборѣ нѣтъ, — прѣзжайте въ другое время и т. п. — Скотоводы, проживши въ ставкѣ недѣлю, а иногда и болѣе въ сладкой надеждѣ получить деньги, въ концѣ концовъ, возвращаются ни съ чѣмъ!.. Гдѣ-же скрывается причина такой неурядицы? — Въ томъ, что улусное начальство имѣло свои сдѣлки съ подводчиками. По словамъ ихъ, однихъ почителямъ они платили по 600 рублей въ годъ, за то, чтобы они не прѣсняли ихъ подводами; другіе имѣли свои пая, съ содержателями подводъ; а иные официально значились подводчиками своего улуса! При такомъ положеніи дѣла, что-же можетъ сдѣлать простой калмыкъ, когда въ подводной повинности заинтересовано улусное начальство? Не разъ калмыки жаловались главному управленію, на то, что они и деньги платятъ на подводную повинность и отбываютъ ее натурою, но все ихъ жалобы были голосомъ вопиющаго въ пустыни. — Бывало если предстоить ревизія— главный попечитель поѣдетъ по улусамъ (а объ этомъ всегда извѣщаютъ по крайней мѣрѣ за мѣсяць, ибо для его слѣдованія по степямъ всегда устроятся въ степяхъ выставки), то ему на показъ, въ доказательство исправности подводчиковъ, пригоняютъ изъ степей положенное по контракту число сытыхъ верблюдовъ и лошадей; а какъ только онъ убѣждаетъ физъ ставщикамъ другой улусъ— верблюдовъ и лошадей возвращаютъ хозяевамъ, у которыхъ они были

взлты на время! Нынѣ содержаніе подводъ отдано по частямъ крестьянцѣмъ, живущимъ въ стѣняхъ осѣдлыми дворами и дѣло идетъ нѣсколько лучше, если пробѣгающій ѣдетъ отъ одной выставки на другую. — Если же отъ выставки нужно ѣхать въ сторону и на долгое время, то крестьянцѣмъ обязанъ отвезти пробѣгающихъ въ сторону на 20 верстѣ; оставить ихъ дѣл хотѣнь, изъ котораго они обратно на ближайшую выставку доставляются вольными подводами. Если чиновникъ ѣдетъ въ *хотонъ* не надолго, то его крестьянцѣмъ — подводчикъ ожидаетъ.

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей Пармень Смирновъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я :

Въ редакціи Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей можно получать слѣдующія книги:

1) Слова и рѣчи Преосвященнѣйшаго Евгенія, бывшаго Епископа Минскаго и Туровскаго, а нынѣ Астраханскаго и Енотаевскаго. Вып. 1-й (Ярославль, Черниговъ, Вильна). 1880 г. Минскъ. Цѣн. 1 р. 50 к.

2) Творенія св. отца нашего Кирилла, Епископа Туровскаго, съ предварительнымъ очеркомъ исторіи Турова и Туровской іерархіи до XIII в. Изданіе Преосвященнѣйшаго Евгенія, нынѣ Астраханскаго и Енотаевскаго. Киевъ. 1880 г. Ц. 2 р.

Поступили въ продажу прекрасно-исполненные портреты Ихъ Величествъ:

Императора АЛЕКСАНДРА III и Императрицы МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ

для частей войскъ, мпровыхъ судей, волостныхъ и сельскихъ правленій, учебныхъ заведеній, разныхъ учреждений и лицъ. Портреты, величиною каждый: 12½ вершковъ въ длину и 9 вершковъ въ ширину, исполнены на камнѣ по самымъ послѣднимъ фотографіямъ извѣстнаго художникомъ-портретистомъ П. Ѡ. Борелемъ и отпечатаны на хорошей бумагѣ съ тономъ.